

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-103-112>

УДК [947+957] «15»(092)

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ
СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА¹

Аркадий Долгих

Липецкий государственный университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского,
Липецк, Россия

ADMINISTRATIVE REFORM IN RUSSIA
THE MIDDLE OF THE XVI CENTURY AS A HISTORIOGRAPHICAL PROBLEM

Arkady Dolgikh

Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State University,
Lipetsk, Russia

Introduction. The article examines the situation in the existing historiography on the interpretation of the essence of the transformations in Russia under Ivan the Terrible in the middle of the XVI century, especially the administrative reforms of the highest, central and local institutions of the state, especially since in recent literature there have been significant disputes about the foreign and domestic policy of this monarch, including direct apologetics of his rule, atypical for Russian historiography in general, including in relation to this transformative subject. **Materials and methods.** The author of the article does not limit himself to listing controversial points in this topic and evaluating them by a number of, first of all, Soviet and modern Russian researchers, but also in some cases expresses his point of view, for example, on the issue of the abolition of feeding in that era, with which the author does not agree, regarding the extreme originality of local government reforms in connection with the admission of elements of electability and self-government of territories, which, from his point of view, has not been sufficiently addressed in historiography. **Results.** The author also shows the specifics of the central state institutions (orders) that developed in that era, expresses his position with regard to the characteristics of the zemstvo councils that originate with the reforms of the so-called Izbrannaj Rada. **Conclusion.** As a result, the author comes to the conclusion that today in the historiography of the reforms, the general picture of the existing model of the administrative system is clearly visible - with the admission of an elective beginning at the local level and the preservation of the previous orders at the central and higher levels (albeit with some limitation of the system of parochialism). The resolution of the essence of the problem associated with the reforms of Ivan the Terrible of that time is hardly completely possible due to a very limited number of sources, but this era itself is interesting precisely because of its alternativeness in the history of the Russian political system, as an option, not carried out to the end for very specific reasons.

¹ Обзорная статья.

Citotoin: Dolgikh A. Administrative reform in Russia the middle of the XVI century as a historiographical proble // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 103-113. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-103-112. Долгих А.Н. Административные реформы в россии середины XVI века как историографическая проблема // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 103-112. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-103-112

© Долгих А., 2023

Keywords: Ivan the Terrible, administrative reforms, zemstvo reform, gubernatorial reform, zemstvo councils, autocracy, serving people.

Введение. В статье рассматривается ситуация в существующей историографии по вопросу об интерпретации существа преобразований в России при Иване Грозном в середине XVI в., в особенности административных реформ высших, центральных и местных учреждений государства, тем более, что в литературе последнего времени имеют место значительные споры и о внешней, и внутренней политике этого монарха, в том числе наличествует и прямая апологетика его правления, нетипичная для отечественной историографии вообще, в том числе и в отношении данной преобразовательной тематики. **Материалы и методы.** Автор статьи не ограничивается лишь перечислением спорных моментов в данной теме и оценок их рядом, прежде всего, советских и современных российских исследователей, но и в ряде случаев высказывает свою точку зрения, например, по вопросу об отмене кормлений в ту эпоху, с чем автор не согласен, в отношении крайней оригинальности реформ местного управления в связи с допуском элементов выборности и самоуправления территорий, на что недостаточно, с его точки зрения, обращалось внимание в историографии. **Результаты.** Автор показывает также и специфику центральных государственных учреждений (приказов), развившихся в ту эпоху, высказывает свою позицию применительно к характеристике земских соборов, ведущих свое начало с реформ так называемой Избранной Рады. **Заключение.** В итоге автор приходит к выводам, что сегодня в историографии реформ ясно видна общая картина существовавшей модели управленческой системы – с допуском выборного начала на местах и сохранением на центральном и высшем уровнях прежних порядков (хотя и при некотором ограничении системы местничества). Разрешение сути проблемы, связанной с реформами Ивана Грозного той поры, вряд ли полностью возможно из-за весьма ограниченного числа источников, но сама по себе данная эпоха интересна именно своей альтернативностью в истории российской политической системы, как вариант, не осуществленный до конца по вполне определенным причинам.

Ключевые слова: Иван Грозный, административные реформы, земская реформа, губная реформа, земские соборы, самодержавие, служилые люди.

1. Введение.

Реформа обычно трактуется как некая альтернатива революции, меняющая в более спокойном варианте ту или иную составляющую государства или общества, взаимоотношения последнего с государственной властью и др. Специфика России в этом отношении очевидна. С давних времен (по крайней мере, после ордынского нашествия) государство у нас приобрело особую роль, оно доминировало над обществом на протяжении последующей истории страны вне зависимости от изменений социально-экономического и политического строя. Это обстоятельство усиливалось в связи с определенным отставанием общественного развития России (вспомним у А. С. Пушкина: «... со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно») [12, с. 269], связанным с рядом факторов, в том числе климатических, с многовековым враждебным окружением, что наложило отпечаток и на менталитет народа, склонного к подчинению государству при одновременном стремлении к «воле» (под которой понималось несколько иное понятие, нежели европейское восприятие «свободы» как «осознанной необходимости»). Государство у нас, в конечном счете, воспринималось не как народное создание, а как нечто, существовавшее вне его. Однако при этом именно от государства исходили волны реформ, на которые оно налагало свое индивидуальное воздействие. Поэтому преобразования, шедшие с более просвещенного и жившего по иной модели Запада, меняли во многом свой характер на российской почве. При этом реформы эти по большей части, если и происходили у нас, то чаще всего не вели к улучшению жизни народа, а сводились либо к перемене мест слагаемых, незначительному усовершенствованию ситуации, либо просто к усилению государственного диктата над обществом.

Тем не менее среди них встречались иногда и выпадавшие из системы, часто которые, правда, позднее теряли свою новизну и превращались в свою противоположность, возвращаясь, скажем так, на «прежнюю дорогу», типичную для страны. В этой связи интересен опыт реформ времени Ивана Грозного конца 1540-х – конца 1550-х гг. Несмотря на неплохую изученность данной проблематики, обратим внимание на противоречивость в оценках ряда явлений внутренней политики этого периода в существующей историографии (во многом, связанную и с недостатком источников, и с политическими позициями авторов, писавших об этом в определенное время, также накладывавшее отпечаток не только на их воззрения, но также и на форму изложения, в том числе имея в виду и разного рода ассоциации, возникавшие при изучении данных реформ, особенно в советское время, что учитывалось самими авторами). Отмечая указанные обстоятельства, мы выскажем и свое понимание некоторых явлений данной эпохи.

2. Материалы и методы.

Специфика обращения к этим годам отечественной истории сегодня связана с совершенно неожиданным обострением борьбы в историографии (и общественной мысли) в отношении оценок этого царствования [5]. С одной стороны, имеет место критика действий этого монарха либеральным и марксистским ее течениями в русле традиционных идей российской историографии [1; 7; 9; 13; 20], с другой – налицо и апологетика в отношении действий Ивана IV во внутренней и внешней политике [3, с. 4-5; 4; 18]. Последняя тенденция прослеживается и на государственном уровне: памятники Грозному множатся; есть уже целое направление в исторической литературе, рассматривающее исключительно положительно его внутреннюю политику как борьбу с «жидомасонством», воспевающее его стремление к созданию империи, одобряющее даже опричнину (особенно в сравнении с Варфоломеевской ночью во Франции по их жертвам, раскрывающее «фальсификации» «немцев» типа Крузе или Шлихтинга в описании репрессий монарха); здесь наличествует квасной патриотизм наряду с настоящим. Чуть ли не впервые почти вся Европа в период Ливонской войны пошла против России; к тому же последней в ту пору не дали возможности «стать Европой». Наконец, в тот период оформляется в окончательном варианте самодержавие и его традиции, близкие подобным мыслителям и исследователям. Так или иначе, вектор общественного интереса снова возвращается, как это было, например, при И. В. Сталине, к эпохе начала Московского царства.

Соглашаясь, в принципе, с общим мнением по данной проблематике, характерным для традиционной историографии (Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников, М. Б. Кобрин, Д. Н. Альшиц), мы уделим здесь особое внимание именно той полосе реформ, которая предшествовала опричнине и в отношении которой как раз мнения обеих спорящих сторон сходятся. Сразу заметим, что эти преобразования были связаны с таким историческим понятием, как «Избранная рада». Согласно бытовавшему в советское время мнению, это было некое «тесное» правительство, существовавшее примерно 8-10 лет при юном и еще неопытном царе Иване IV, известное нам преимущественно по писаниям князя А. М. Курбского и его переписке с Иваном Грозным, но оставившее лишь незначительный след в других источниках. Заметим также, что, вне зависимости от того, будем ли мы его считать особым властным органом (А. Ф. Адашев, Сильвестр и др.), отеснившим от кормила правления Боярскую думу [6, с. 33], признавать ли Адашева его своеобразным «премьером», а Сильвестра – формальным соправителем преимущественно в идеологическом обеспечении дел Адашева (в чем мы сомневаемся, соглашаясь скорее с идеями А. И. Филюшкина) [17], сами реформы, частично реализованные и вошедшие в жизнь в ту пору, будь они и не прямым плодом их деятельности (реформы не были никак не персонифицированы), оказали, судя по всему, определенное воздействие на ход государственной политики и на реальную жизнь общества той поры. Добавим сюда и такое гипотетически воз-

можное обстоятельство, связанное с фигурой Сильвестра – представителя позднего нестяжательства. Все, что мы знаем о нестяжателях, вроде бы не говорит нам о стремлении их представителей к усилению царской власти. Однако в конкретной ситуации середины XVI в. вполне возможно, что и Сильвестр, и его присные надеялись на то, что одобряемые ими реформы возможны лишь при властном царе, лишь с его подачи, что при хорошем царе не будет греха в усилении его власти, а надеяться больше не на кого было – это не Европа. Нестяжатели все же были ближе к реформам, нежели иосифляне, тогдашние консерваторы. Но реформы могла проводить лишь государственная власть. Отсюда – и плюсы, и минусы, и итоги, и краткость времени реформ. При этом, по некоторым сведениям, Иван IV был не прочь кое-что позаимствовать из этих взглядов [3, с. 123, 136-138].

3. Результаты.

Наиболее странным (в контексте нашей истории вообще) здесь является то обстоятельство, что, по сути, главными и позитивными среди этих преобразований стали именно административные реформы (наряду и вкупе с военными, податными и даже социальными). Ведь как раз именно административные реформы обычно сводились у нас к толчению воды в ступе. Здесь, видимо, было иначе.

В этой связи необходимо обратиться к возможным мотивам проведения реформ той поры. Этот вопрос, по нашему мнению, недостаточно рассмотрен в литературе. Первый из них связан с задачей борьбы с соседями, в том числе наследниками Золотой Орды. Отсюда необходимость сильной армии, которую в ту пору можно было создавать или по наемному варианту, как в Европе, или по принципу, скажем так, глобальной рекрутчины – и в отношении правящей элиты («беззаветного служения», по терминологии А. С. Ахизера, И. М. Клямкина и И. С. Яковенко), и в отношении другой части – массы населения [2, с. 109-125]. Выбор здесь был сделан однозначно в пользу второго варианта. Платить элите-дворянству, «воинникам», по терминологии известного Ивана Пересветова (как его ни называй – «служилым людям» разного уровня) [14, с. 610, 616], можно было, в основном, землю, отсюда развитие поместной системы особенно после завоевания земель Великого Новгорода в последней четверти XV в., хотя и с деньгами надо было что-то делать. Их для государства явно недоставало – и по недостатку благородных металлов со всеми вытекающими отсюда проблемами (необходимостью вывоза за границу выгодных по ценам товаров, например, пушнины, поташа и др. для их приобретения), и в связи с тем, что по ряду каналов шедшие в казну средства расходились между конкретными людьми («кормленщиками») на разных уровнях власти, попросту разворовывались (типичная для России проблема), доходя до нее примерно в половинном размере; нужно было что-то делать с этим. Проблема армии находила отражение, в том числе и в необходимости реформ государственных структур. Однако сам способ борьбы с этим упомянутым выше постоянно действующим в стране злом в данную эпоху был выбран необычный, в сущности, направленный на контроль «снизу» за этими местными властными структурами (что нетипично для любой эпохи в нашей истории), пусть и с определенными нюансами при его реализации. Эта сторона дела, с нашей точки зрения, недостаточно отражена в существующей историографии.

Вторая побудительная причина реформ была непосредственно связана с предшествовавшим им временем так называемого «боярского правления» и сопутствовавшим ему усилением (выше обычного) произвола в отношении народа в центре и на местах, а также разграбления государственного достояния в условиях ослабления верховной власти и противоборства различных группировок элиты, когда властям некогда было заниматься текущими делами и сохранением порядка в стране. С этим надо было кончать. Отсюда и известный реформаторский пафос, и некая идеологическая подоплека, заметная в материалах той поры, исходящих от самого монарха.

Полагаем, что у этих реформ была и еще одна предпосылка – связь с европейским опытом подобных преобразований, особенно в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой, возможно, и других стран. Особых источников на сей счет не существует, разве что писания Ивана Пересветова, да и там больше заметна ориентация на Восток, прошлую Византию и особенно современную ему Османскую империю [16, с. 124-130]. Но вот, например, статья 76 Судебника 1550 г. об освобождении части холопов в городах напоминает положение западноевропейского средневековья: городской воздух делает свободным [15, с. 52]. В России оно несколько модифицировалось. Точно об этом не скажешь, но все же она находилась не на другом континенте, и общение с развивавшейся Европой, достаточно успешной во многих отношениях, в том числе и, в особенности, в отношении военном, не могло не заставить русские умы задуматься о том, что, возможно, кое-что из западноевропейского опыта (несмотря на вполне определенное негативное отношение, например, к католицизму в глазах православных) можно взять на вооружение. Но это больше теория, а фактов, доказывающих реальное воздействие европейского опыта на российские реформы, явно недостаточно для того, чтобы делать на этом основании определенные выводы. Но само подобное воздействие европейского опыта для данной эпохи, в принципе, отрицать нельзя.

Личностные моменты здесь также имели место. Глинские, приведшие Ивана IV на престол, – все же явные европейцы, возможно, через них кое-что переходило из идей к самому Ивану IV, имея в виду также и подготовленную для их восприятия гипотетическую почву: его собственные обиды на временщиков прежнего времени, которые, конечно, играли здесь определенную роль [3, с. 183-185]. Ясно, что то, что происходило в стране до его венчания на царствие в 1547 г., было плохим и для государства. Надо было менять систему, хотя бы ее видоизменять (заметим, что подобное видоизменение системы будет иметь место и в дальнейшем и станет характерной чертой реформ такого рода, вносящих скорее видовые, нежели родовые изменения в сложившуюся систему).

Остановимся здесь на создании Земских соборов. Целью их появления в ту пору стало стремление верховной власти, их собиравшей, подчинить себе боярское окружение, обеспечив здесь поддержку «земли», необходимость учета особенностей регионов, в конечном счете, переложение трудностей и проблем развития страны на плечи «сословий» [19, с. 63-68 и др.]. Причины введения подобного учреждения недостаточно очевидны, но сама форма их представляла своеобразный гибрид древнерусского веча, церковных соборов и европейских парламентов. Общая оценка их деятельности в литературе не всегда объективна [3, с. 54-58; 6, с. 34]. Соотносить их прямо с европейскими парламентами любого вида некорректно. Последние в том или ином виде (пусть и в минимальной степени) находились в оппозиции верховной власти, а их создание было результатом борьбы сословий и городов с монархической властью. У нас все изначально было иначе. Власть создавала эту структуру, а последняя занималась лишь раскладкой «государева тягла» по «сословиям» (точнее – категориям населения, так как собственно о сословиях можно будет говорить лишь значительно позднее, не ранее XVIII в.). Другое дело, что Земские соборы в связи со своими нуждами могли кое-что предлагать верховной власти для реализации, а если это было выгодно самой власти, она кое-что из предложений могла и осуществить, но и только. Разница в их изначальном устройстве, и в дальнейшем призванные на Соборы лица во многом, если не прежде всего, воспринимали это призвание как государственную повинность, которую следовало отбыть, а не как их право. Последнее понятие практически не имело места в России той поры. Поэтому сожалеть о том, что Земские соборы не закрепили за собой это право их созыва и правомочных решений (как это иногда встречается в литературе), бессмысленно. Однако остается все же вопрос о том, почему эра Земских соборов началась в середине XVI в. Возможно, это произошло случайно, из-за боярских смут, а затем традиция их созыва сохранилась на столетие по причинам слабости самой власти, последующего развала стра-

ны в Смуту, ее последствий и др. Позднее же, в связи с усилением верховной власти, Соборы ликвидировали, и никто об этом особенно не жалел опять же по причинам их изначально-ного создания. Сам же термин «сословно-представительная монархия» (исначально используемый для средневековой Европы), применяемый к данной эпохе существования этих соборов, выглядит явно модернистски, а его применение к России также не совсем корректно.

Новые центральные органы управления – приказы – появились в процессе объединения русских земель вокруг Москвы, но окончательно оформились именно в годы реформ Ивана Грозного. Изначально неким людям было «приказано» ведать той или иной сферой управления, а в дальнейшем (в том числе и по известному закону С. Н. Паркинсона) количество лиц, ответственных за ту или иную сферу, росло, в том числе и в связи с ростом и усилением разнообразия этих дел, и так или иначе структурировалось. Интересным явлением в отношении приказов является имевшее место смешение в них ведомственного, территориального управления и судебных функций в отношении тех, кем они ведали. Оно, видимо, было не везде и в неодинаковых формах (до полной унификации здесь дело в ту пору не дошло), но, в целом, этот тезис, имеющийся в историографии вопроса, можно принять. Однако также можно заметить, что косвенной причиной такого восточного «букета» в сферах приказного управления было и устройство тогдашней России, ее многоуровневость, наличие сложившихся ранее в регионах укладов и традиций, которые необходимо было каким-то образом нивелировать и унифицировать, чем так или иначе и занимались (кроме всего прочего) приказы. Неудивительным выглядит здесь и их позднейшее, скажем так, увеличение их числа в форме своеобразного «наслоения» по принципу *ad hoc*, пока государственный ум Петра не приведет их в некое единство, регламентированное его указами и в определенном смысле совершенное в своем роде, пусть и под именем коллегий. Также неудивительным выглядит и то обстоятельство, что окончательно эта система сложилась именно при Иване Грозном в пору реформ, когда переоформлялась заново вся государственная пирамида.

Наиболее существенными, с нашей точки зрения, здесь были реформы местного управления. (Здесь есть некая проблема с использованием в данном случае терминов «управление», «самоуправление» или «общественное управление»). Говорить о полном самоуправлении на местах в ту пору не совсем точно, так как оно имело место под пятой уже сложившейся авторитарной системы и существовало именно постольку, поскольку выполняло функции ее дополнения «внизу» по ряду причин, в том числе и в связи с типичным для России недоверием верховной власти по отношению к местным управленцам – «кормленщикам». С другой стороны, при сравнении этой системы с последующими (например, с Земской реформой 1864 г.) мы увидим, скажем осторожно, и ее плюсы – вращение этих местных органов в общую систему управления страны. Приведем здесь уместное вполне высказывание В. И. Ленина насчет того, что земство XIX в. «с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством» [10, с. 35]. При нашем согласии (с небольшими нюансами) с этой позицией Ленина, которую можно вполне отнести с известной модификацией и к XVI в., следует учесть все же то обстоятельство, что всевластие прежней местной администрации было данной реформой временно нарушено (а не как в XIX в., где оно сохранилось в полном виде), что вполне очевидно и известно по источникам.

В целом же, реформы местного управления при Иване Грозном (земские учреждения – земские избы во главе с избираемыми местным населением земскими старостами, приказчики городские, не очень ясные по своему происхождению: то ли избираемые населением городов, то ли назначаемые сверху, но, видимо, из граждан этих же городов) были доста-

точно оригинальными, и игнорировать эту их оригинальность нельзя. Больше такого в России не будет, по крайней мере, несколько столетий (при Петре остатки этих учреждений лишатся последней силы, потом все управление страной будет строиться иначе, по другой, исключительно вертикальной ее модели). Однако, например, в учебном пособии по отечественной истории 1996 г. просто утверждалось, что произошло перераспределение властных прерогатив в пользу центра и усиление его контроля за положением на местах, хотя и говорилось о «становлении представительных институтов» в регионах [11, с. 419-420].

Что касается самой земской реформы XVI в., то крайне фрагментарные сведения позволяют судить о ней лишь в принципиальном плане [6, с. 45-46]. Считается, что она охватила лишь сельскую глубинку Севера, не коснулась городов и порубежья страны. О чем можно говорить прямо? Земские органы избирались местным мужским населением, явно решали вопросы налогообложения и, возможно, разрешали мелкие судебные дела. Видимо, они меньше, чем ранее, зависели от кормленщиков (бояр, детей боярских), отвечая напрямую перед коронной администрацией наверху. Судя по всему, эта реформа была выгодна и для самих жителей на местах, которые, как полагают историки, платили теперь меньше, чем ранее, и верховной власти, которая, судя по литературе, получала значительно больше средств, нежели прежде. (В определенном смысле и в постановочном плане земскую реформу XVI в. можно рассматривать и как некую самоорганизацию деревни для нужд армии, затем будет уже использован другой принцип – крепостное право). Ограниченность распространения этих учреждений также видна, возможно, все делалось, как придется, в ответ на челобитные, да и в большой России бывало всякое. По фрагментам трудно воссоздать всю картину. Но сами по себе новации здесь имели место. Налицо здесь, полагаем, и выборность, и, видимо, всеобщность (если этот термин условно использовать). Эксперимент таковым и остался, суть дела мало изменилась, временная ситуация не закрепились, и не только из-за Ливонской войны, как считал, например, А. Л. Янов [20, с. 176]. Этого не было в традиции, которая восстановилась вскоре, а дальнейшее развитие данной структуры очевидно: земские старосты стали служебным органом при воеводах, их подспорьем, лишились даже частичной автономии, а потом были и вообще ликвидированы Петром.

Что же касается городских приказчиков, то эту должностную структуру вообще трудно как-то определить. Можно лишь сказать, что они упоминаются в Судебнике 1550 г. [6, с. 43-44; 15, с. 47]. Возможно, они занимались организацией налогообложения и городским благоустройством, разрешали мелкие судебные дела, как-то были автономны от кормленщиков. Но эти явления можно восстанавливать лишь по аналогии с земскими учреждениями, хотя они согласуются с тогдашним направлением политики; кормленщики должны были решать дела с «лучшими» людьми (в чем некоторые авторы видят своеобразный российский вариант института присяжных) [3, с. 29; 8, с. 78]. Позднейшие аналогии здесь не помогут, там все было иначе.

Выскажем и наше мнение о так называемой отмене «кормлений» (даже «повсеместной», как иногда пишут) в данную эпоху. То, что так или иначе было заявлено в тогдашних документах и позднее подхвачено особенно советскими и постсоветскими историками [3, с. 28; 8, с. 77; 11, с. 419], видимо, не соответствовало действительности. Это тот самый случай, когда суть дела затемнена формой. Что значило в России отменить кормления? Этого не могло быть в принципе, так как должностные лица во все эпохи жили за счет местного населения, иначе бы они не пошли на эту службу, причем ничего не изменило здесь позднее введение постоянного и немалого жалованья. Примеров этому – тьма. Для изучаемой эпохи можно говорить о данном явлении лишь с точки зрения демагогии, либо в плане некоей модификации этой вечной для страны системы, создания временных параллельных структур (земских и губных учреждений, института городских приказчиков), на которых возлагались эти функции, либо просто об устранении конкретных виновников злоупотреблений эпохи «боярского правления», и только. Заметим, что в отношении бывших корм-

ленщиков существовали своеобразные «отступные», которые им платились за временное неучастие в делах управления, но после начала Ливонской войны снова начали награждать полководцев (по крайней мере) теми же кормлениями. А потом во второй половине XVI в. сам институт фактических кормленщиков и вовсе восстановили, пусть и под именем воевод. Но вот говорить о временном потеснении кормлений в эпоху реформ конца 1540-х – конца 1550-х гг., о временном изменении политики на местах можно. В дальнейшем построения власти сменились, и все вернулось «на круги своя».

О губной реформе известно больше. Но это была, несколько модернизируя ситуацию, дворянская реформа. Местные служилые люди (все ли, либо только служилые люди «по отечеству») выбирали из своей среды губных старост (видимо, из последней категории), занимавшихся судебными делами, а именно делами «о разбоях», причем закон их защищал в определенной степени от произвола тех же кормленщиков (статья 60 Судебника 1550 г.). Так бывало в истории – создание параллельной структуры, не отменявшей старую. Ясно одно: прежние структуры, по мнению верховной власти, с этими делами не справлялись. Либо им это было безразлично, либо они что-то с этого имели (взятки, доход от судопроизводства, «крышевание»), либо, как «варяги», просто не владели ситуацией, а местные «дворяне» лучше ее знали и умели с ней справляться. Почему только дела «о разбоях» попали под их компетенцию? На этот вопрос ответа нет. Налицо здесь и явный компромисс, и определенное противостояние губных старост прежним структурам, и их ответственность перед верховной властью – «судить по общим грамотам» [15, с. 47]. В дальнейшем идет их упразднение по той же схеме – со времени опричнины они превращаются в служебный элемент при воеводах, да и выборность их, видимо тоже постепенно уходит.

4. Заключение.

В конечном счете, общая картина все же вырисовывается: налицо некая новая модель управленческой системы – с допуском выборного начала на местах и сохранением на центральном и высшем уровнях прежних порядков (хотя и при некотором ограничении системы местничества). Разрешение сути проблемы, связанной с реформами Ивана Грозного той поры, вряд ли полностью возможно из-за весьма ограниченного числа источников, но сама по себе данная эпоха интересна именно своей альтернативностью в истории российской политической системы, как вариант, не осуществленный до конца по вполне определенным причинам. Итак, реформы эти были ненадолго. Российская традиция их отвергала. Можно только вспомнить того же Ивана Пересветова, который предлагал монарху опору на «воинников», сиречь дворянство, не заморачиваясь насчет Земского собора, выборного местного самоуправления и др. Эти наносные явления не стали характерной чертой будущей империи, а единодержавие, ставшее настоящим самодержавием в эпоху опричнины, вскорости ликвидировало эти лишние элементы в ее системе, это «пятое колесо». Причем, в отличие от мнения некоторых современных исследователей [3, с. 30, 42, 166 и др.], эта тенденция вполне проявилась уже при Иване Грозном.

Список источников и литературы

1. Альшиц, Д. Н. (1988). *Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного*. Ленинград: Наука. 246 с.
2. Ахиезер, А. С., Клямкин, И. М., Яковенко, И. С. (2008). *История России: конец или новое начало*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Новое издательство. 464 с.
3. Васильев, А. А. (2014). *Государственное учение Ивана IV Грозного*: монография. Москва: Юрлитинформ. 288 с.
4. Володихин, Д. М. (2018). *Иван IV Грозный: Царь-сирота*. Москва: Молодая гвардия. 341 с.

5. Емельянов, Е. М. (2014). *Иван Грозный – созидатель или разрушитель? Исследование проблемы субъективности интерпретаций в истории*. Москва: Едиториал УРСС. 216 с.
6. Ерошкин, Н. П. (1983). *История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «историко-архивоведение»*. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Высшая школа. 352 с.
7. Зимин, А. А. (1960). *Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России XVI в.* Москва: Соцэкгиз. 511 с.
8. *История государственного управления России* (). Изд. 2-е, доп. / под общ. ред. В. Г. Игнатова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 608 с.
9. Кобрин, В. Б. (1989). *Иван Грозный*. Москва: Московский рабочий. 175 с.
10. Ленин, В. И. (1967). *Гонители земства и «аннибалы» либерализма* // Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. 5-е. Москва: Издательство политической литературы. Т. 5. С. 21-72.
11. Новосельцев, А. П., Сахаров, А. Н., Буганов, В. И., Назаров, В. Д. (1996). *История России с древнейших времен до конца XVII века*. Учебное пособие. Москва: АСТ. 576 с.
12. Пушкин, А. С. (1964). *Путешествие из Москвы в Петербург* // Полн. собр. соч.: в 10 т. Изд. 3-е. Т. VII. Москва: Наука. С. 268-305.
13. Скрынников, Р. Г. (2001). *Иван Грозный*. Москва: ООО Издательство АСТ. 480 с.
14. Сочинения Ивана Семеновича Пересветова (1984) // Памятники литературы древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Москва: Художественная литература. С. 596-625.
15. Судебники XV-XVI веков: Учебно-методическое пособие (2016) / под ред. А. Н. Долгих. Борисоглебск: Борисоглебский филиал ВГУ. 98 с.
16. Томсинов, В. А. (2003). *История русской политической и правовой мысли. X-XVIII века*. Москва: Зерцало. 256 с.
17. Филюшкин, А. И. (1998). *История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада»*. Москва: ВГУ. 352 с.
18. Фроянов, И. Я. (2007). *Драма русской истории: На путях к опричнине*. Москва: Парад. 947 с.
19. Черепнин, Л. В. (1978). *Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв.* Москва: Наука. 418 с.
20. Янов, А. Л. (2001). *Россия: у истоков трагедии 1462-1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности*. Москва: Прогресс-Традиция. 559 с.

References

1. Alshits, D. N. (1988). *Nachalo samoderzhaviya v Rossii. Gosudarstvo Ivana Groznogo*. [The beginning of autocracy in Russia. The State of Ivan the Terrible]. Leningrad, Nauka Publ. (in Russian).
2. Akhiezer, A. S., Klyamkin, I. M., Yakovenko, I. S. (2008). *Istoriya Rossii: konec ili novoe nachalo*. [History of Russia: the end or a new beginning]. 2nd ed., ispr. and add. Moscow, New Publishing house. (in Russian).
3. Vasiliev, A. A. (2014). *Gosudarstvennoe uchenie Ivana IV Groznogo: monografiya*. [The State doctrine of Ivan IV the Terrible: monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
4. Volodikhin, D. M. (2018). *Ivan IV Groznyj: Car'-sirota*. [Ivan IV the Terrible: The orphan Tsar]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (in Russian).

5. Emelyanov, E. M. (2014). *Ivan Groznyj – sozidatel' ili razrushitel'?* *Issledovanie problemy sub"ektivnosti interpretacij v istorii* [Ivan the Terrible – creator or destroyer? A study of the problem of subjectivity of interpretations in history]. Moscow, Editorial URSS Publ. (in Russian).
6. Eroshkin, N. P. (1983). *Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii: Uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij po special'nosti «istoriko-arhivovedenie»*. [History of state institutions of pre-revolutionary Russia: Textbook for students of higher educational institutions in the specialty «historical and archival studies»]. 3rd ed., reprint. and additional Moscow, Higher School. (in Russian).
7. Zimin, A. A. (1960). *Reformy Ivana Groznogo: Ocherki social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii XVI v.* [Ivan the Terrible's reforms: Essays on the socio-economic and political history of Russia in the XVI century]. Moscow, Sotsekgiz Publ. (in Russian).
8. *Istoriya gosudarstvennogo upravleniya Rossii* (2002). [History of state administration of Russia]. 2nd edition, supplement / under the general ed. of V. G. Ignatov. Rostov-on-Don, Phoenix Publ. (in Russian).
9. Kobrin, V. B. (1989). *Ivan Groznyj*. [Ivan the Terrible]. Moscow, Moskovsky rabochy Publ. (in Russian).
10. Lenin, V. I. (1967). *Goniteli zemstva i «annibaly» liberalizma*. [The persecutors of the Zemstvo and the «annibals» of liberalism] in Poln. sobr. soch.: v 55 t. Ed. 5-E. Moscow, Publishing House of Political Literature, vol. 5, 21-72. (in Russian).
11. Novoseltsev, A. P., Sakharov, A. N., Buganov, V. I., Nazarov, V. D. (1996). *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do konca XVII veka*. Uchebnoe posobie. [The history of Russia from ancient times to the end of the XVII century. Textbook]. Moscow, AST Publ. (in Russian).
12. Pushkin, A. S. (1964). *Puteshestvie iz Moskvy v Peterburg* [Journey from Moscow to St. Petersburg] in Poln. sobr. soch.: v 10 t., ed. 3-E, t. VII. Moscow, Nauka Publ. 268-305. (in Russian).
13. Skrynnikov, R. G. (2001). *Ivan Groznyj* [Ivan the Terrible]. Moscow, AST Publishing House. (in Russian).
14. *Sochineniya Ivana Semenovicha Peresvetova* (1984). [The works of Ivan Semenovich Peresvetov] in Pamyatniki literatury drevnej Rusi. Konec XV – pervaya polovina XVI veka / Vstup. st. D. S. Lihacheva; sost. i obshch. red. L. A. Dmitrieva i D. S. Lihacheva. Moscow, Fiction Publ. 596-625. (in Russian).
15. *Sudebniki XV-XVI vekov: Uchebno-metodicheskoe posobie* (2016) / pod red. A. N. Dolgikh. [Sudebniki XV-XVI centuries: Educational and methodological manual / ed. by A. N. Dolgikh]. Borisoglebsk, Borisoglebsk branch of VSU. (in Russian).
16. Tomsinov, V. A. (2003). *Istoriya russkoj politicheskoy i pravovoj mysli. X-XVIII veka*. [History of Russian political and legal thought. X-XVIII centuries]. Moscow, Zertsalo Publ. (in Russian).
17. Filyushkin, A. I. (1998). *Istoriya odnoj mistifikacii: Ivan Groznyj i «Izbrannaya Rada»*. [The story of a hoax: Ivan the Terrible and the «Chosen Rada»]. Moscow, VSU Publ. (in Russian).
18. Froyanov, I. Ya. (2007). *Drama russkoj istorii: Na putyah k oprichnine*. [Drama of Russian history: On the way to the Oprichnina. Moscow, Parade Publ. (in Russian).
19. Cherepnin, L. V. (1978). *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI-XVII vv.* [Zemsky sobors of the Russian state in the XVI-XVII centuries]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
20. Yanov, A. L. (2001). *Rossiya: u istokov tragedii 1462-1584. Zametki o prirode i proiskhozhdenii russkoj gosudarstvennosti*. [Russia: at the origins of the tragedy of 1462-1584. Notes on the nature and origin of Russian statehood]. Moscow, Progress-Tradition Publ. (in Russian).

The article was submitted on 02.03.2023